

Глядишь, к осенней жатве и выйдет так, что каждый день на столе будет хоть какая-то жиденькая каша.

Спустя несколько дней пришел староста. Заглянул он к Ли Сы как раз ради разговора о Ван Сюане.

— Семья со стороны твоей тетки и впрямь хорошая, — заговорил он. — Живут небогато, конечно, ну да люди они простые, работающие, из честных крестьян. Ты точно всё взвесил? Мальчишка ведь даром достался. Зачем от чужого сына отказываться?

— Гоуданю пока ни слова, — помрачнел Ли Сы.

Он вспомнил, как попытался завести об этом разговор издалека, и как сын сразу же ошетинился. На душе у отца было беспокойно.

— Эх, но Ван Сюаню-то всё равно придется объяснить, — вздохнул староста. — Подгадаем время, отошлем Гоуданя куда-нибудь с глаз долой. А как отдадим мальчика новым родителям, тогда сыну твоему всё и выложишь. Поплачет, пообижается, да и забудет со временем. Что с детей взять? Потеряют игрушку или друга — покуролесят, поревут день-другой, а потом всё пойдет своим чередом. Память у них короткая: заведёт Гоудань новых приятелей, и прежнего след простынет.

— На том и порешим, — вздохнул Ли Сы.

А пока взрослые плели заговоры, Гоудань вместе с Ван Сюанем и деревенской детворой пропадал в полях. Жатву только-только закончили, зерно раздали по дворам, и теперь землю спешно готовили к летнему севу — нужно было успеть перепахать пашню. Самое время раскапывать норы полевок.

Полевки к лету отъедались жирные, крупные, да и в закромах у них, если повезет, можно было разжиться пригоршней-другой ворованного зерна. Порой за это дело брались даже взрослые. Вот только копать земляные межи — занятие неблагодарное. Чуть не уследишь, обрушишь край — потом замучаешься восстанавливать, никакой ратиной добычей потраченный труд не окупишь. Потому на краю поля всегда дежурил кто-то из старших: приглядывать, чтобы неразумная мелюзга не перепортила пашню.

Полевки повадками не уступали зайцам. Не зря ведь говорят про хитрую лису и три ее норы — у ратухи уверток не меньше. Мало было просто наткнуться на лаз, требовалось еще угадать: есть ли у гнезда запасной выход, и сидит ли хозяин внутри или давно удрал.

Приходилось тщательно обшаривать траву вокруг, разыскивая потайные отнорки. Стоило

найти парочку таких «черных ходов», их тут же наглухо забивали камнями и комьями глины, оставляя лишь один главный лаз. Иначе прыткая добыча мигом упорхнет через запасную дверь.

— Ой, глянь, это не отнорок? Давай я его завалю, — Ван Сюань ловко выискивал гальку и сухую, окаменевшую глину, плотно затыкая подозрительные щели.

Тем временем Гоудань принимался споро орудовать самодельной лопаткой, уходя по следу норы вглубь. Тут требовалась не только сноровка, но и недюжинное терпение.

— Похоже, тут целое семейство угнездилось, смотри, какой широкий ход! Если угадаем — знатно разживемся, — предвкушал Гоудань.

Мясо полевок — плотное, нежное, удивительно сочное — в деревне считалось знатным лакомством. Но зверьки эти хитры, голыми руками не возьмешь. Сейчас, когда закрома у них ломились от свежего летнего зерна, на обычные приманки и ловушки они даже не смотрели — сытая жизнь притупляла интерес к легкой добыче. Единственный надежный способ — раскапывать.

— Может, там и совсем крохотные мышата есть, — мечтательно проговорил Ван Сюань, вытирая лоб ладошкой. — Дядя Хромой их страсть как любит. Сварит их, а нам взамен отдаст своих хрустящих огурчиков!

Мальчишка всё еще помнил тот освежающий, сочный вкус — в прошлый раз Гоудань как раз выменял у старика парочку крепких пупырчатых огурцов.

— Эй, Гоудань! Помочь? — крикнул кто-то из соседских ребят, завистливо поглядывая на их раскопки. — Чур, если подсобим — добычу делим поровну!

— А уши вам не помыть? — огрызнулся Гоудань, даже не оборачиваясь. — Размечтались, нашу долю делить. Валите отсюда!

Ребята так и исходили завистью: нора-то им досталась на диво приметная. По неписаному закону деревенской детворы, коли копали вместе — дели всё по-честному. Даже если поймали всего одного несчастного грызуна, его тушку пришлось бы резать пополам. Делиться будущим ужином Гоудань не собирался. Он лучше сам спину сорвет, работая с Сяо Сюанем по очереди, но чужаков к своей кормушке не подпустит.

Кое-кто из обделенных ушел искать свое счастье в зарослях по соседству, но самые упрямые остались сидеть на корточках неподалеку. Им жуть как хотелось увидеть, сколько же полевок вытащит упрямец.

— Батюшки, зерно пошло! Точно богатое гнездо, — ахнул кто-то из зевак.

Мальчишки с завистливым придыханием следили, как Гоудань осторожно выгребает из земляных глубин чистую пшеницу и сыпает ее в мешочек, который услужливо придерживал Ван Сюань.

Теперь зрителей и коврижкой было не выманить. Они рассредоточились полукругом, резонно рассудив: если из норы брызнет целый выводок, вдвоем ребята со всеми не сладят. А уж коли шустрый грызун выскочит прямо под ноги — лови момент, законная добыча!

Сменив уставшего друга, Ван Сюань взялся за работу. Гоудань отгребал землю в сторону и то и дело зорко косился на притаившихся стервятников. Злился он страшно. Кому понравится, когда на плоды твоего пота разевают рот посторонние бездельники? Сам он, конечно, тоже частенько промышлял подобным грабежом, но одно дело — забрать чужое, и совсем другое — когда заглядывают в твою собственную тарелку.

Впрочем, ругаться он не стал, лишь глухо фыркнул и сосредоточился на деле. А когда лопатка наткнулась на второй «склад», Гоудань и вовсе затаил дыхание. Действовать теперь нужно было ювелирно. Он подобрал длинный прут и принялся осторожно прощупывать глубину отнорка, прижимая дерево к стене лаза. Если перепуганный зверь решит пойти напролом, его можно будет перехватить у самого выхода.

Конечно, риск оставался всегда. Вдруг там окопалась пахучая вонючка-землеройка? Тогда все труды насмарку. А ведь могла затаиться и гадюка, греющаяся в подземном тепле. Земля таит много сюрпризов. Но раз уж в норе обнаружилось целых два зерновых склада, сомневаться не приходилось: добыча близко.

— Глядите, лезет!

Гоудань молниеносным движением сжал пальцы на загривке первой полевки. Жирный, упитанный грызун отчаянно верещал и извивался, пытаясь укусить обидчика. Сияя от восторга, Гоудань высоко поднял зверя, хвастаясь перед притихшей толпой.

Но пока он красовался, второй ратуха — видать, самый пронырливый и старый — улучил секунду и пулей вылетел наружу. Гоудань даже охнуть не успел, как серый комок проскочил у него между ног и пропустил по стерне. Мальчишки вокруг взвыли и гурьбой кинулись наперерез. Как ни петлял беглец, против оравы загонщиков у него не было ни единого шанса.

— Упустил, разиня! — в сердцах крикнул сам себе Гоудань. Он со злостью шарахнул пойманную полевку о камень, отправил ее в мешок к Сяо Сюаню и тут же снова зажал ладонью лаз, чтобы больше ни одна живая душа не проскользнула.

Ван Сюань подобрал затихшую тушку, бережно спрятал ее на дно торбы и уселся рядом, насторожив уши. Понимая, что нора уходит глубоко вбок и простым прутком ее не вычистить, Гоудань пошел на хитрость. Он натаскал сухой травы, подпалил ее у самого входа и принялся усердно раздувать дым внутрь. Почувяв угар, очумевшие полевки начали выскакивать на свежий воздух одна за другой.

В этот день их улов составил целых пять штук: три матерых ратухи и парочка поменьше.

Ту беглянку, что прорвала оборону, в итоге зацапал Дачжуан. Зверюга оказалась знатной, едва ли не самой крупной из всего выводка. Гоудань завистливо поглядел на ухмыляющегося соперника, сердито сплюнул под ноги и, собрав нехитрые пожитки, скомандовал Ван Сюаню:

— Пошли отсюда. Нечего перед этими рожами маячить.

Дома делиться добычей Гоудань ни с кем не стал. Он швырнул улов отцу:

— Батя, свежуй! Сегодня у нас пир.

В тот вечер маленькая семья устроила знатное застолье. Наевшись досыта ароматного, жирного мяса, Гоудань пообещал Ван Сюаню, что через пару дней они снова сходят на промысел, и уж тогда точно выменяют у дяди Хромого огурцов да сладких бахчевых дынь.

Но обещанию Гоуданя не суждено было сбыться.

Не успел мальчик и глазом моргнуть, как на пороге дома появился староста. Его слова прозвучали для Ван Сюаня как гром среди ясного неба: семья Ли больше не может его содержать. Старик долго и путано что-то объяснял, уверял, что новые приёмные родители — люди на редкость душевные, справные, и что там, на новом месте, он заживет без всяких забот.

Мир вокруг Сяо Сюаня покачнулся. Да, в доме Ли они жили впроголодь, лакомств не видели, но рядом всегда был Гоудань. С названным братом любая невзгода казалась пустяком, а пустая похлебка — слаще меда. А теперь дедушка-староста говорит, что он здесь лишний. Что его отдают другим.

Ван Сюань крепко сжал губы, изо всех сил стараясь сдержать подступающие слезы, и умоляюще посмотрел на Ли Сы. В голове у бедного ребенка всё перепуталось.

— Дядя Ли... — прошептал он дрожащим голосом. Он не понимал, почему тот не хочет его оставить. — Дядя Ли, ну почему? Я ведь послушный, честное слово! Буду работать еще больше, а есть стану совсем капельку, честно-честно... Пожалуйста, не выгоняйте меня!

Ли Сы отвел взгляд, не смея смотреть мальчику в глаза. На душе у мужика кошки скребли, но он пересилил себя:

— Не под силу мне двоих тянуть, Ван Сюань. Пойми ты... Иди с миром. Новая семья о тебе лучше позаботится.

Слезы всё-таки брызнули из глаз мальчишки. Он торопливо растер их по щекам кулачками:

плакс ведь никто не любит.

— А где... где брат Гоудань? — тихо спросил он, шмыгая носом.

— Гоудань еще не воротился, — ответил староста, пряча глаза. — Ты ступай, ступай. Мы ему сами обо всем скажем, как вернется.

— А можно я его подожду? Ну хоть капельку... — взмолился Сяо Сюань.

Ему нужно было попрощаться. Сказать названому брату, куда его увозят. И... предупредить насчет их общего тайного сокровища, их Пространственного кармана, о котором никто больше не должен знать.

Ли Сы промолчал, упрямо глядя в земляной пол. Старосте ничего не оставалось, кроме как взять мальчишку за руку и подхватить его узелок с вещами. Ван Сюань изо всех сил пытался вырваться, упирался ногами в порог, выгибался всем тельцем — он отчаянно не хотел уходить. Он хотел остаться здесь, с Гоуданем!

— Сяо Сюань, сынок, не упрямясь, так надо, — уговаривал его старик, увлекая за собой.

— Брат Гоудань! Гоудань! — захлебывался рыданиями мальчик. Но староста неумолимо тащил его со двора.

По дороге он несколько раз пытался вырваться и убежать назад, в деревню. Старосте и новому отцу Ван Сюаня пришлось поочередно нести его на руках, пока они окончательно не покинули окраину. Наконец мальчик затих. Он больше не плакал и не кричал — лишь безмолвно смотрел назад, на петляющую грунтовку, в тайной надежде, что из-за поворота вот-вот покажется запыхавшийся Гоудань и заберет его обратно.

У старосты тоже кошки на душе скребли, да только разве был другой выход? Сироте нужны настоящие родители, иначе в этой глуши парню попросту не выжить.

А Гоудань в это время весело шагал по пыльной дороге, возвращаясь из коммуны вместе с мужиками. В кармане его штанов лежало заветное лакомство — несколько леденцов в ярких фантиках, а в руках он бережно держал сверток с парой лян парного мяса.

Сегодня вся деревня возила сдавать налог государству, и Гоуданю посчастливилось увязаться за взрослыми. Он очень хотел взять с собой Сяо Сюаня, но отец строго-настрого запретил уходить обоим: кто-то должен был приглядывать за домом. Ван Сюань тогда сам вызвался остаться. Он ведь знал, как сильно названный брат мечтал посмотреть на Снабженческо-сбытовой кооператив. Да и без сопровождения взрослых городские торговцы на деревенскую

детвору даже не смотрели — могли и вовсе прогнать. Да и заблудиться по дороге немудрено. А тут — под присмотром степенных крестьян, хоть и простых работяг, всё же надежнее.

Едва завидев околицу родного Сиканя, малец во всю глотку заорал от радости.

— А-Сюань! Батя! Я вернулся! — завопил он еще с улицы, подбегая к воротам. — Гляньте скорее, чего я раздобыл!

Но во дворе его встретила глухая, неестественная тишина. Ни отца, ни Ван Сюаня нигде не было видно.

Радостное возбуждение Гоуданя мигом испарилось, уступив место глухой обиде. Все хвастливые речи застряли в горле. Неприятное, липкое предчувствие шевельнулось в груди.

— Вот же... ушли куда-то, — проворчал он себе под нос. — И Сяо Сюань хорош, небось опять убежал с ребятами на речку.

Усевшись на пороге, Гоудань вытащил из кармана леденцы и принялся сосредоточенно их пересчитывать. Он и так прекрасно знал, сколько их там, но сам процесс доставлял ему несказанное удовольствие. Они с А-Сюанем завели уговор: выдавать себе по штуке в день и аккуратно колоть ножом ровно пополам, чтобы никому не было обидно. Простые дешевые карамельки, завернутые в вощеную бумагу с зелеными полосками — зато какие долгоиграющие! Если не грызть, а катать за щекой, можно смаковать целый час.

Не утерпев, Гоудань достал одну конфету, прижал лезвие ножа к середине и стукнул сверху ладонью. Карамелька послушно раскололась. Одну половинку он тут же отправил в рот, а вторую завернул обратно в бумажку — для Сяо Сюаня.

До чего же сладко! Аж новые зубы заныли от восторга.

Время шло, а двор оставался пуст. Начинало смеркаться. Раздражение Гоуданя росло. Чтобы занять руки, он решил растопить принесенное сало. Порезал его мелкими кубиками, бросил на дно старого чугунка. Скоро по избе поплыл умопомрачительный аромат шкварок! О мясе в их доме забыли уже бог весть когда — малец и вкуса-то его толком не помнил.

От сытного запаха слюнки потекли рекой. Гоудань прикинул: сейчас он вытопит жир, сольет его в глиняную плошку на будущее, а в чугунок плеснет колодезной воды, бросит охапку дикого лука и лебеды — выйдет наваристый, жирный суп. А-Сюань тоже сто лет не ел ничего сытнее пустой каши, обрадуется небось!

А отец его, Ли Сы, в это время прятался на окраине села, не находя себе места. Он попросту трусил. Не знал, какими словами объяснить сыну исчезновение друга. На душе было скверно, муторно, но ради блага своего единственного наследника старый крестьянин готов был пойти

на любую низость.

<http://bllate.org/book/19654/1985543>